

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА

Кальвин

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Кальвин / Д. Мережковский. — М. : Т8RUGRAM.
— 204 с.

ISBN 978-5-519-63169-3

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. Кальвин» — блестящий образец романа-биографии, раскрывающий тайны личности французского богослова и реформатора Жана Кальвина. Пронизанная глубокими размышлениями автора о вере, свободе личности, духовном поиске, эта книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

I. КАЛЬВИН И ЛЮТЕР	5
II. ЖИЗНЬ КАЛЬВИНА.....	45
III. ЧТО СДЕЛАЛ КАЛЬВИН?	191

І. КАЛЬВИН И ЛЮТЕР

І

«Если бы даже он назвал меня дьяволом, я все-таки почтил бы его как великого слугу Божьего», — говорит Кальвин.¹ «Я радуюсь тому, что Бог посылает нам таких людей, как он, чтобы нанести папству последний удар и кончить с Божьей помощью то, что я начал делать против Антихриста», — говорит Лютер о Кальвине.² Судя по таким отзывам, они любят друг друга, как братья. Но есть и другие отзывы:

«Он³ грешит не только гордыней и злоречием, но и невежеством и гнуснейшими суевериями», — пишет Кальвин ученику Лютера, Мартину Бucerу (Vucer), в 1538 году,⁴ и в 1540 году — другому ученику его, Филиппу Меланхтону: «Ты жалуешься на вспыльчивость и слепую нетерпимость Лютера, но не должны ли эти недостатки его день ото дня усиливаться, если все дрожат перед ним и уступают ему во всем?»⁵

Лютер не обманывается добрыми о нем отзывами Кальвина: «Я надеюсь, что он будет некогда лучше думать о нас».⁶ Это значит: «Думает обо мне сейчас нехорошо». Так же не обманывается и Кальвин добрыми

¹ Paul Henry, *Das Leben Johan Calvius*, 1838, II, 356.

² P. Henry L. 1538.

³ Лютер

⁴ M. Vucer L. 1538.

⁵ J. Moura et P. Louvet, p. 216.

⁶ Op. cit. 218.

о нем отзывами Лютера; знает, что бывают такие минуты, когда он считает его «диаволом».

Кальвин и Лютер — два сросшихся и вечно враждующих близнеца — Авель и Каин. Может быть, они хотели бы убить друг друга, но срослись спинами так, что не только друг друга убить, но и в лицо увидеть друг друга не могут.

II

«Кальвин спас дело Лютера», — утверждают ученики Кальвина.¹ Но спас или погубил — это еще большой вопрос. Кальвин и Лютер противоположны и взаимно-диаметральны: Кальвин — Лютер в действии, а Лютер — Кальвин в созерцании. Может быть, в этом не случай, а «Предопределение» Реформы.

Кальвин пришел на готовое. «Я рожден для того, чтобы бороться с бесчисленным множеством чудовищ и диаволов», — говорит Лютер. «Мне нужно выкорчевывать деревья, выворачивать камни, пролагая новые пути в диких чащах лесных».² Кальвин пойдет по этому расчищенному Лютером пути.

«Истинный глава Церкви — не Папа, а Христос», — в этом Кальвин повторяет Лютера с точностью, но дальше не идет.³ Повторяет и ошибку его: «Папа — Антихрист». Но в устах Кальвина это уже пустые, не только для Рима, но и для самой Женевы не страшные слова.

¹ Em. Doumergue, *Le caractère de Calvin*, 1931, p. 132.

² Edwin Booth, *Luther* (trad. fr.) 1934, p. 117.

³ E. Stähelin, *J. Calvin*, 1863, I, 304.

КАЛЬВИН

Лютер подчиняет Церковь государству. Если бы это так и осталось, то когда государство отпало от христианства и сделалось, как в наши дни, языческим или даже антихристианским, то самое понятие Церкви исчезло бы с лица земли. Кальвин, как думают ученики его, утвердил самостоятельное, от государства независимое и даже господствующее над ним бытие Церкви и этим ее будто бы спас.

Лютер отказался от видимой Вселенской Церкви; Кальвин ее утвердил. «Церковь есть общество предопределенных к спасению, избранных, *praedestinati, electi*... достигающих Царствия Небесного через видимую Церковь».¹ У Лютера, в конце концов, дело спасения только личного, все еще «монашество»; у Кальвина будто бы от начала до конца — дело спасения личного и общего вместе. Нет никакого сомнения, что сделать это Кальвин хотел, но сделал ли — это опять-таки еще большой вопрос.

Кровью не исходит сердце Кальвина от разрыва с Римской Церковью, как сердце Лютера, и в этой ожесточенной, окаменелой сухости сердца Кальвин дальше от Вселенской Церкви, чем Лютер. «Я тоскую, как дитя, покинутое матерью», — этого Кальвин не мог бы сказать вместе с Лютером о бывшей Римской Церкви, а значит, и о будущей Вселенской.² «Мы³ предлагаем вам⁴ сделать все, что нужно для восстановления мира в Церк-

¹ *Christianae Religionis Institutio*, lib. IV, cap. I.

² De Wette, *M. Luthers, Briefwechsel*, I, 342.

³ протестанты

⁴ католикам

ви», — Кальвин не мог бы сказать и этого, ни даже почувствовать, вместе с Лютером.¹ Лютер — «ходатай», «молитвенник» за Римскую Церковь, но не Кальвин. «Никакие заблуждения Римской Церкви не дают нам права от нее отделиться, ибо она есть Церковь Апостолов и Мучеников», — говорит Лютер в самом начале дела своего, а в самом конце его, в Аугсбургском Исповедании, скажет Меланхтон, ближайший ученик Лютера: «Мы будем верны Христу и Римской Церкви до последнего вздоха».² Кальвин не мог бы и этого сказать, ни даже почувствовать, вместе с Меланхтоном и Лютером.

«Надо быть в Римской Церкви, чтобы спастись; надо уйти из Римской Церкви, чтобы спастись», — этой терзающей антиномии, необходимой для того, чтобы войти в будущую Вселенскую Церковь, Кальвин совсем не знает.

III

Бешеными конями Лютера уносимую телегу Реформации Кальвин затормозит на самом краю пропасти — Революции. Буйство Лютера — *furor teutonius* — Кальвин утишит и усмирит.

О глубокой, метафизической противоположности двух религиозных опытов — Лютера и Кальвина — лучше всего можно судить по отзывам о книге Иоганна Таулера «Германское Богословие», «*Theologia Germanica*». «К милости призывает Таулер великих мира сего, а народ — к свободе». Это главное для Люте-

¹ Opera M. Luthers, ed. Erlanger XXXIV, 3296.

² De Wette, I, 233.

КАЛЬВИН

ра — то, что делает книгу эту «равной Святому Писанию», а для Кальвина это «чума» и «смертельный яд».¹ Именно здесь, в религиозном опыте свободы и Закона, главная причина убийственной вражды между двумя сросшимися близнецами — Лютером и Кальвином — Авелем и Каином. Но сами они этого не сознают. Главная движущая сила Лютера — «согласная противоположность», антиномия Закона в Отце и Свободы в Сыне — не существует для Кальвина.

Воля к народности у Лютера, а у Кальвина — к всемирности. Кальвин первый освободит Реформу от того исключительного духа германской народности, которым вся она пропитана у Лютера.²

«Я для моих немцев рожден; им и хочу послужить»,³ — говорит Лютер, а Кальвин ему отвечает: «Главное, что мы должны помнить и к чему должны стремиться, — к Богу привлекать все народы земли, чтобы они единодушно поклонялись и служили Ему».⁴

Против начинающегося и все растущего умножения и раздробления Церквей Лютер бессилен, а Кальвин силен или, по крайней мере, хочет быть сильным. Воля его ко всемирности и есть воля к единству.

IV

Может быть, одновременность двух Реформ — одной вне католической Церкви, другой — внутри — тоже не случай, а «Предопределение». «Общество Ии-

¹ Kuhn I, 116.

² Calvin, 1933, p. 138.

³ Luc Fèvre, Un destin M. Luther, 1928, p. 212.

⁴ Op. XXIX, 175.

суса», «Compañia de Jesú», утверждено папою Павлом III в 1540 году, в самый канун Женевской Теократии. Вообще все дело св. Игнатия Лойолы — как бы «предопределенный», providentialis, ответ на дело Кальвина — эхо, повторяющее внешние гулы мира под внутренним куполом Рима.

Если в одном, более внешнем, историческом порядке два сросшихся и вечно враждующих близнеца — Кальвин и Лютер, то в другом, более внутреннем, религиозном порядке два таких же близнеца — Кальвин и Лойола. Три глубокие воли соединяют их, скрепчивают. Первая воля — к спасению не только личному, но и общему. «Я не хотел бы умереть сейчас, если бы даже был уверен в вечном блаженстве, — говорит Лойола ученику своему, Лайнецу. — Я хотел бы раньше закончить дело мое».¹ Это мог бы сказать и Кальвин, а Лютер не мог бы. Благодетель Кальвина так же, как Лойолы, есть подвиг воина, готового сражаться, страдать и умереть за «славу Божию». *Soli Deo gloria*, «Богу единому слава» — у Кальвина; «К наибольшей славе Божьей», *Ad majorem Dei gloriam*, — у Лойолы. Оба они произносят эти два слова — *Gloria Dei* — одинаковым, благоговейно трепетным голосом. «Слава Божия» значит для обоих «Царство Божие» не только на небе, но и на земле. «Церковь Воинствующая», *Ecclesia militans*, — большая для них обоих действительность, чем «Церковь Торжествующая», *Ecclesia triumphans*, Иисус для Лойолы, в «Духовных упражнениях», не столько Царь Небесный, как Полководец Христов. «Помните всегда, что вы —

¹ P. Charles Clair, *La vie de St. Ignace de Loyola*, 1891, p. 410.